

ДЭВИД ЮМ

О ЖАДНОСТИ*

Аннотация: В этом очерке Юм обсуждает своеобразие жадности как одной из сильнейших человеческих страстей и одного из главных пороков. Жадность берется как в стяжательской, так и в удерживающей ее форме. Считая бесполезным обращение к тем, кто поражен этим пороком, Юм предлагает обращаться к остальным, а лучшим способом нападения на него считает осмеяние и юмор, а не серьезный способ рассмотрения. На русский язык очерк переводится впервые.

Abstract: In this essay Hume discusses the specific features of avarice as one of the strongest human passions and one of the main vices. Avarice is taken both in its acquisitive and retentive forms. Hume thinks it useless to appeal to those who are infected with this vice, and proposes to appeal to the rest of humanity, and ridiculing and humor are recommended as the best way to attack this vice, not the serious manner of treating. The essay is translated into Russian for the first time.

Ключевые слова: жадность, порок, страсть.

Keywords: avarice, vice, passion.

Легко заметить, что комические писатели преувеличивают любое из качеств, и шеголь или трус прорисовываются у них резче, чем это можно встретить в природе. Этот моральный вид прорисовки для сцены часто сравнивали с живописью для куполов и потолков, где цвета усиливаются, а каждая часть рисуется избыточно крупно, крупнее, чем в природе. Фигуры кажутся монструозными и диспропорциональными, если смотреть сблизи, но становятся естественными и правильными, если поместить их на расстоянии и увидеть с той точки зрения, с которой их предполагалось обозревать. По схожей причине, когда в театральных представлениях выводятся характеры, недостача реальности устраняет некоторым образом персонажи и, делая их более холодными и неинтересными, создает необходимость компенсировать силой окраски то, чего им недостает в содержании. Так и в обычной жизни мы видим, что как только какой-нибудь человек позволяет себе отклониться в своих рассказах от истины, он дальше уже не может удержаться в границах правдоподобия, но добавляет еще какие-нибудь новые обстоятельства, чтобы сделать свои истории более восхитительными и поте-

* Перевод сделан по источнику: Hume D. Of Avarice // Hume D. Essays Moral, Political and Literary. L.: Grant Richards, 1904. P. 563-567. Перевод публикуется в авторской редакции переводчика.

шить свое воображение. Двое мужчин в клеенчатых плащах превращаются у сэра Джона Фальстафа к концу его рассказа в одиннадцать.

Есть только один порок, который в жизни можно найти со столь же сильно выраженными чертами и столь же яркой окраской, к каким вынужден прибегать сатирик или комический поэт; и это Жадность. Каждый день мы встречаемся с людьми необычайно богатыми, без наследников, стоящими на самом краю могилы, которые отказывают себе в самых простых предметах первой необходимости и продолжают нагромождать богатства на богатства, находясь под настоящим давлением жесточайшей бедности. Рассказывают, что одного старого ростовщика, когда он лежал на смертном одре, навестил священник с распятием, чтобы принять исповедь. И вот за мгновение до того, как испустить дух, он открывает глаза, замечает распятие и кричит: «Эти драгоценности не настоящие! Могу дать только десять пистолей за такой залог!»

Вероятно, эту историю придумал какой-нибудь насмешник; и все же каждый из собственного опыта сможет припомнить почти столь же сильные примеры упорства в жадности. Об одном известном скряге из нашего города обычно рассказывают, что, найдя себя при смерти, он посылал за кем-нибудь из магистратов, вручал им расписку на сто фунтов, вступающую в действие после его кончины, и сообщал о своем намерении потратить эту сумму на благотворительность; но едва стоило им уйти, как он распорядился вернуть их и предлагал им наличные, если они уменьшат эту сумму на пять фунтов. Другой выдающийся скупердядя на севере, намереваясь облапошить своих наследников и пустить состояние на строительство больницы, изо дня в день откладывал написание завещания; и, думается, если бы заинтересованные лица не заплатили ему за его написание, он так и умер бы, не огласив свою последнюю волю. Короче говоря, никакие самые буйные эксцессы любви и честолюбия несравнимы ни в каком отношении с крайностями жадности.

Лучшим извинением, которое можно привести для жадности, будет то, что обычно она встречается у старых людей или у людей холодного нрава, в которых угасли все другие аффекты, и ум, будучи неспособным сохранить себя без какой-нибудь страсти или устремленности, находит в конце концов эту монструозно абсурдную, соответствующую холодности и бездействию его настроения. В то же время кажется весьма необычным, что столь ледяная, бездуховная страсть способна увлечь нас дальше, чем вся горячность юности и удовольствия.

Но если взглянуть на дело чуть пристальнее, то мы увидим, что само это обстоятельство облегчает нам его прояснение. Когда нрав горяч и полон энергии, ум выстраивает больше путей, нежели один, и производит низшие по значению страсти, чтобы хоть сколько-нибудь уравновесить эту преобладающую склонность. Невозможно, чтобы человек такого склада, как бы он ни был помешан на этой устремленности, был лишен всякого чувства стыда или всякого уважения к человеческим чувствам. Его друзья должны иметь на него некоторое влияние; могут иметь свой вес и иные соображения. Все это помогает удерживать его в каких-то границах. Но тогда нет ничего удивительного в том, что жадный человек, в силу холодности своего нрава не принимающий во внимание ни репута-

цию, ни дружбу, ни удовольствие, неизбежно уносится своей преобладающей склонностью так далеко и являет свою страсть в столь удивительных примерах.

Соответственно, более неисправимого порока, чем жадность, нам не найти; и хотя от начала мира и до наших дней вряд ли сыщется хотя бы один моралист или философ, который не обрушил бы на нее прицельный удар, мы вряд ли отыщем и хотя бы один пример человека, который от нее излечился. По этой причине я более склонен одобрять тех, кто атакует ее с насмешливостью и юмором, чем тех, кто обсуждает ее на полном серьезе. Раз уж так мало надежд принести добро людям, пораженным этим пороком, то я обратился бы, по крайней мере, к остальному человечеству, находящему забаву в нашей манере этот порок изображать; ибо поистине нет иного рода развлечения, к которому бы оно так охотно присоединялось.

Среди басен мсье де Ламотта есть одна, нацеленная против жадности, и она кажется мне более естественной и простой, чем большинство басен этого гениального автора. Некий скряга, говорится в басне, умерший и должным образом похороненный, пришел на берег Стикса, желая переправиться на ту сторону вместе с другими призраками. Харон требует платы за переправу и с удивлением видит, как этот скряга, вместо того чтобы заплатить, бросается в реку и плывет на другой берег, невзирая на все крики и все оказываемое ему противодействие. Возмущена была вся преисподняя, и каждый из судей стал размышлять, какое бы наказание назначить за преступление, несущее столь опасные последствия для адской казны. Приковать ли цепями к скале рядом с Прометеем? Послать наполнять бездонную бочку в компании с Данаидами? Или помогать Сизифу затаскивать наверх его камень? Нет, говорит Минос, ни одно из этого. Мы должны придумать более суровую кару. И его решают отправить назад на землю, чтобы он видел, как его наследники прожигают его имущество.

Надеюсь, никем не будет истолковано так, будто я задумал состязаться с этим прославленным автором, если я предложу далее собственную басню, призванную изобразить этот же порок жадности. Меня вдохновили на нее следующие строки м-ра Поупа:

*Рабов на коях ждет один удел,
Копаеть ли, иль спрятаться хотел.*
[Damn'd to the mines, an equal fate betides
The slave that digs it, and the slave that hides.]

Однажды наша старая Матушка-Земля выдвинула перед небесным судом обвинение против Жадности в том, что та своими нечестивыми и злонамеренными советами и поучениями склоняет, подстрекает, убеждает и вероломно соблазняет детей истицы совершить в отношении нее мерзкое преступление материубийства и, искромсав ее тело, обрыскать ее недра в поисках скрытых сокровищ. Обвинение было пространное и многословное, но нам придется опустить значительную его часть, состоящую из повторов и синонимичных терминов, дабы не утомить рассказом наших читателей. Жадности, которую вызвали к Юпитеру ответить на это обвинение, почти нечего было сказать в свою защиту. Причинение вреда было ясно доказано. И сам факт его был печально известен, и частота

повторения налицо. Так что, когда истица возвала к справедливости, Юпитер со всей готовностью вынес решение в ее пользу. Его вердикт гласил: итак, поскольку дама Жадность, ответчица, причинила серьезный ущерб даме Земле, истице, то настоящим ей предписывается собрать эти сокровища, кои она преступно похитила у названной истицы путем разграбления ее лона, и вернуть их ей полностью, без изъятий и без остатка. Из этого решения следует, добавил Юпитер, обращаясь к присутствующим, что отныне и во веки веков слуги Жадности будут хоронить и прятать свои богатства, возвращая тем самым земле все, что они у нее отобрали.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Поступила в редакцию 21.01.2022 г. (№ 2465)